

Людмила Крагель

Семь желаний взрослой девочки

франфик

Семь лепестков.
Семь желаний.
И одна очень
любопытная
жизнь...

План на день:

1. Лепесток
2. Последствия
3. Выводы
4. Юмор
5. Повторить :)

Главное –
перепутать
жизни!
♥

НЕ ИДЕАЛЬНА, ЗАТО РЕАЛЬНА

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ 50 ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

ХОЧУ, МОГУ, ДЕЛАЮ

СЕКРЕТЫ СЧАСТЛИВОЙ ЖЕНЩИНЫ

ЮМОР – ЛУЧШАЯ ДИЕТА

Осторожно!
Желания имеют
чувство юмора!
😊

Людмила Крагель "Семь желаний взрослой девочки"

<https://litres.ru/74239402>

SelfPub; 2026

Аннотация

Все знают сказку про Цветик-семицветик. Семь лепестков. Семь желаний. И маленькая девочка, которая в конце концов понимает, что самое главное — делать добро.

Но никто никогда не спрашивал, о чём мечтает взрослая женщина.

А ведь у неё тоже есть свои желания. Не детские, а очень даже взрослые.

«Семь желаний взрослой девочки» — это лёгкий, смешной и очень тёплый фанфик о том, что иногда самое большое чудо — не исполнение желаний, а умение понять, чего ты на самом деле хочешь.

Содержание

Семь желаний взрослой девочки	4
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Людмила Крагель

"Семь желаний взрослой девочки"

Семь желаний взрослой девочки

Глава 1 "Лепесток первый. Минус двадцать килограммов"

Если бы в детстве кто-нибудь спросил меня, о чём я мечтаю, я бы, не задумываясь, ответила:

— О кукле. О велосипеде. О собаке. Ну, или хотя бы о том, чтобы завтра не спрашивали домашнее задание.

Тогда всё было просто. Детские желания помещались в карман, а счастье измерялось количеством мороженого.

Теперь мне почти пятьдесят.

И желания стали совсем другими.

Нет, конечно, миллион долларов я бы тоже не отвергла. Но если выбирать между миллионом и возможностью застегнуть любимое платье, которое уже пять лет висело в шкафу с гордой надписью «Когда похудею», я бы ещё крепко задумалась.

Женщины меня поймут.

Это платье было моим личным памятником оптимизму.

Каждый год я доставала его весной. Надевала. Втягивала живот. Задерживала дыхание. Обещала себе с понедельника начать новую жизнь. И аккуратно вешала обратно. Платье терпеливо ждало. Кажется, оно уже само перестало верить в мои обещания.

Но в тот день всё изменилось.

Я возвращалась из магазина с двумя пакетами продуктов. В одном лежали овощи, творог и кефир — всё то, что покупают женщины, которые собираются худеть. Во втором — эклеры, пирожные, шоколад и булочки. Потому что нельзя же худеть на голодный желудок.

Возле подъезда на лавочке сидела маленькая старушка.

Настолько маленькая, что казалось, если подует сильный ветер, её унесёт вместе с платком.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Устала?

— Очень.

— Мечтаешь?

Я усмехнулась.

— Каждый день.

— А если бы у тебя было одно желание?

— Одно? Не смешите. У взрослой женщины одно желание не помещается.

Старушка неожиданно рассмеялась. Смех у неё оказался совсем молодым. Она полезла в старенькую сумочку и достала... Цветок. Самый настоящий. С семью разноцветными

лепестками.

Я даже моргнула.

— Это что...

— Цветик-семицветик.

— Вы серьёзно?

— Более чем.

Я оглянулась.

Может, меня кто-то снимает? Может, это розыгрыш? Но двор был пуст.

Только воробьи выясняли отношения возле песочницы.

— Семь лепестков, — сказала старушка. — Семь желаний.

— Мне уже не восемь лет.

— Именно поэтому он достаётся тебе.

Я удивлённо посмотрела на неё.

— Детям волшебство помогает радоваться. А взрослым — вспоминать, что они ещё умеют мечтать.

Она вложила цветок мне в руку.

— Хорошенько подумай, прежде чем отрывать лепесток. Волшебство никогда не ошибается. Ошибаются только люди.

Желания любят точность.

Я хотела спросить ещё что-то. Подняла глаза... И замерла. Лавочка была пустой. Старушки не было.

— Так...

Я медленно села рядом.

— Или у меня сахар упал... или жизнь наконец решила меня удивить.

Дома я долго вертела цветок в руках. Лепестки были удивительно тёплыми. Настоящими.

Я осторожно потрогала один.

— Ну что...

В комнате никого не было.

Муж ушёл в магазин.

Идеальный момент поговорить самой с собой.

— Если это сон — то он очень качественный.

Я ещё раз посмотрела на цветок. Семь желаний. Всего семь. Значит, тратить их надо с умом.

Стать богатой? Помолодеть? Выплатить ипотеку? Чтобы муж всегда соглашался со мной?

Я тяжело вздохнула.

Нет... Если быть честной... Есть одно желание, о котором я мечтала последние лет двадцать.

Я осторожно оторвала розовый лепесток. Сердце почему-то заколотилось.

— Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг...

Я рассмеялась.

— Господи... взрослая женщина, а стишок до сих пор помню...

Глубоко вдохнула.

— Хочу... похудеть на двадцать килограммов. Быстро. Без диет. Без спорта. И без отказа от пирожных!

Лепесток вспыхнул золотистой искрой.

И исчез.

В комнате стало тихо.

Очень тихо.

— Ну и?..

Ничего. Я пожала плечами.

— Конечно... А чего я ожидала?

И вдруг...

Юбка медленно поползла вниз. Я машинально схватилась за пояс. Ремень оказался свободным. Очень свободным.

Кофта тоже вдруг стала висеть мешком. Я бросилась к зеркалу.

И застыла.

— Ой...

Из зеркала на меня смотрела женщина, удивительно похожая на меня лет двадцать назад.

Тонкая талия. Стройные ноги. Никаких складочек на боках. Щёки исчезли. Даже второй подбородок, с которым мы столько лет жили душа в душу, куда-то испарился, не попрощавшись.

Я осторожно повернулась одним боком. Потом другим. Потом ещё раз.

— Не может быть...

Я даже ушипнула себя. Больно. Значит, не сон. Я засмеялась. Потом закружилась перед зеркалом. Потом снова засмеялась.

— Получилось!

Я бросилась к шкафу. Достала то самое платье. То самое, которое столько лет ждало своего часа. Надела. Застегнулось. Без всяких втягиваний живота. Без молитв. Без акробатических упражнений. Я смотрела в зеркало и не могла отвести глаз.

— Какая же я...

Именно в этот момент в прихожей хлопнула входная дверь.

Вернулся муж. Я улыбнулась.

Вот сейчас и начнётся самое интересное...

— Таня! — донёсся голос мужа. — Я хлеб купил. И, между прочим, не тот, который ты обычно ругаешь!

— Молодец! — крикнула я, не отрываясь от зеркала и ещё раз повернулась боком.

Нет, ну до чего же хороша! Талия появилась именно там, где ей и положено быть. Платье сидело так, словно егошили специально для меня сегодняшней. Даже осанка стала другой. Хотелось расправить плечи, поднять подбородок и пройти по комнате, как модель по подиуму.

— Таня, ты где?

— Иду!

Я решила сделать мужу сюрприз. Пусть попробует уга-

дать, кто перед ним.

Вышла из квартиры, позвонила в дверь, глубоко вдохнула и, стараясь придать голосу загадочности, произнесла:

— Здравствуйте...

Сергей поднял голову. Несколько секунд он молча смотрел на меня.

Потом растерянно моргнул.

— Простите... А вы к кому?

Я едва не расхохоталась.

— К тебе.

— Простите?

— Домой.

Он нахмурился.

— По-моему, вы ошиблись квартирой.

— Серёжа...

Он удивлённо поднял брови.

— Мы знакомы?

— Уже двадцать пять лет.

У мужа медленно отвисла челюсть.

— Откуда вы знаете, сколько лет мы с женой женаты?

— Потому что я и есть твоя жена.

Он сделал шаг назад.

Потом ещё один.

И вдруг...

Быстро захлопнул дверь прямо перед моим носом. Щёлкнул замок. Я осталась стоять на площадке, недоумённо глядя

на закрытую дверь.

Из-за неё послышался встревоженный голос:

— Таня! Ты дома?!

Я постучала.

— Вообще-то да!

— Таня! Тут какая-то женщина утверждает, что она моя жена!

Я прыснула со смеху.

— Серёжа, открой!

— Не открою!

— Почему?

— Потому что моя жена сейчас должна быть дома, а не за дверью!

— Так это я!

Наступила тишина.

Потом осторожно повернулся ключ. Дверь приоткрылась буквально на ладонь. Из щели выглянул один глаз.

— Таня?

— Ну наконец-то догадался.

Он распахнул дверь. Обошёл меня кругом. Посмотрел справа. Слева. Даже зачем-то заглянул мне за спину.

— Ничего не понимаю...

— А что тут понимать?

— Где моя жена?

— Перед тобой.

Он ещё минуту внимательно разглядывал меня.

Потом неожиданно спросил:

— А родинка на левом плече есть?

— Есть.

— А шрам на коленке после того, как ты в молодости упала с велосипеда?

— Есть.

— А куда ты прячешь деньги от меня?

— Серёжа!

— Всё, верю.

Я рассмеялась.

Он тоже.

Потом осторожно обнял меня и вдруг тихо сказал:

— Знаешь... Ты очень красивая.

Я довольно улыбнулась.

— Правда?

— Правда.

Помолчал секунду и добавил:

— Только больше так не делай. Я уже мысленно представил, как объясняю соседям, куда делась моя жена и почему в квартире появилась незнакомая красавица.

В этот момент в подъезде хлопнула дверь.

И, как по заказу, появилась наша соседка — тётя Валя.

Она несла пакет с картошкой, но, увидев нас, остановилась так резко, что одна картофелина выкатилась прямо на лестничную площадку.

Тётя Валя медленно перевела взгляд с мужа на меня. По-

том снова на мужа. Потом опять на меня.

— Серёжа... — произнесла она подозрительно. — Это кто?

Муж тяжело вздохнул.

— Если честно, сам минуту назад не знал.

— Валентина Петровна, здравствуйте! — улыбнулась я.

Она прищурилась.

— Голос знакомый...

— Конечно.

— Танечка?

— Она самая.

Тётя Валя охнула и схватилась за сердце.

— Господи... Неужели есть такая диета?!

— Если найдёте — обязательно мне расскажите, — засмеялась я.

— Нет, Танечка, рассказывать будете вы. И желательно подробно.

Я сразу поняла: к вечеру об этом будет знать весь подъезд.

А может, и соседний тоже.

Тётя Валя ещё несколько секунд смотрела на меня так, словно перед ней только что материализовался снежный человек.

Потом медленно подошла почти вплотную.

— Танечка...

— Да?

— Это правда ты?

— Если не считать двадцати исчезнувших килограммов, то да.

Она осторожно коснулась моего плеча.

Потом щеки.

Потом зачем-то потянула за локон волос.

— Ай!

— Живая... — с облегчением выдохнула соседка.

— А вы сомневались?

— Конечно! Сейчас такое время... То нейросети людей омолаживают, то фильтры. Я уж решила, что ты из телевизора вышла.

Серёжа прыснул.

Я тоже не выдержала и рассмеялась.

— Валентина Петровна, никакой пластики, никаких уколов. Просто...

Я осеклась.

Не рассказывать же про волшебный цветок.

— Просто... пересмотрела питание.

— За один час? — прищурилась соседка.

— Очень строго пересмотрела.

Она покачала головой.

— Нет, Таня. Меня, конечно, внуки считают наивной, но не настолько.

Тётя Валя ещё раз внимательно осмотрела меня с головы до ног.

— Так... платье старое. Туфли старые. Серьги старые. А

сама — новая. Она глубокомысленно кивнула.

— Тут без магии не обошлось.

Я едва не поперхнулась.

— Почему сразу магия?

— Потому что диеты так не работают.

С этим спорить было трудно.

Всю ночь я почти не спала. То подходила к зеркалу. То снова надевала любимое платье. То фотографировала себя с разных сторон. То просто любовалась отражением.

— Таня, ложись уже, — сонно пробормотал Серёжа.

— Сейчас.

Через пять минут я снова стояла у зеркала.

— Таня...

— Уже иду.

— Ты в зеркало влюбилась?

— Почти.

Он приподнялся на локте.

— Знаешь... я вот думаю...

— О чём?

— Если бы ты загадала стать моложе лет на двадцать, я бы, наверное, вообще инфаркт получил.

— Не переживай.

Я хитро улыбнулась.

— У меня ещё осталось шесть лепестков.

Серёжа мгновенно сел на кровати.

— Каких лепестков?

— Никаких!

Я слишком быстро отвернулась.

— Тебе показалось.

Он подозрительно посмотрел на меня.

— Таня...

— Спи.

— Мне уже страшно.

— И правильно.

Он покачал головой.

— Знаешь, за двадцать пять лет брака я понял одну вещь.

— Какую?

— Когда ты улыбаешься вот так... обязательно случится что-нибудь такое, после чего придётся ремонтировать квартиру или покупать новый холодильник.

— Почему холодильник?

— Не знаю. Но чувствую.

Утром я проснулась раньше будильника. Первой мыслью было вовсе не кофе. Я бегом бросилась к зеркалу.

Та же стройная женщина смотрела на меня и улыбалась.

— Не приснилось...

Я даже облегчённо выдохнула. Потом открыла шкаф. Впервые за много лет выбор одежды превратился в удовольствие.

Я примерила одно платье. Велико. Второе. Тоже висит. Костюм. Как будто снят с чужого плеча. Джинсы пришлось держать руками.

— Вот это да...

В результате я надела то самое платье, которое много лет терпеливо ждало своего часа.

Оно сидело идеально.

Я ещё раз покрутилась перед зеркалом.

— Ну здравствуй, новая жизнь.

Из кухни донёсся голос Серёжи:

— Таня! Ты сегодня в школу собираешься или открываешь персональную выставку самой себя?

— Уже иду!

Я схватила сумку, поцеловала мужа в щёку и почти выпорхнула из квартиры.

На лестничной площадке тётя Валя как раз поливала цветы.

Увидев меня, она театрально перекрестилась.

— Всё-таки не приснилось...

— Доброе утро!

— Танечка...

Она заговорщицки понизила голос.

— Слушай... если узнаешь, где такие чудеса продают... мне тоже возьми.

— Вам зачем?

— Мне хотя бы килограммов десять.

Я засмеялась.

— Если найду магазин чудес, вы будете первой в очереди.

— Договорились.

Она хитро улыбнулась.

— Только, Таня...

— Что?

— Не обижайся, но сегодня в школе работать никто не будет.

— Почему?

— Потому что все будут смотреть только на тебя.

Я тогда ещё не знала, насколько она окажется права.

И уж тем более не подозревала, что самое большое испытание ждёт меня... не в учительской.

Оно стояло у входа в школу в форме охранника Петровича.

До школы было всего десять минут пешком.

Обычно я проходила этот путь, думая о предстоящих уроках, тетрадях, родительских чатах и о том, успела ли выключить утюг.

Сегодня мои мысли были заняты исключительно мной.

Вернее, моим новым отражением.

Я невольно ловила себя на том, что заглядываю в каждую витрину, в каждое стекло припаркованной машины. Не из тщеславия... Хотя кого я обманываю? Именно из него.

— Таня, — строго сказала я самой себе. — Прекрати любоваться собой. Это неприлично.

И тут же посмотрела в отражение автобусной остановки.

— Ну ещё один разочек...

Настроение было таким лёгким, что хотелось напевать.

Я шла по улице, а прохожие улыбались мне. Один молодой человек даже придержал дверь в магазине.

— Спасибо.

— Не за что, девушка.

Девушка...

Я чуть не остановилась. Меня уже лет двадцать никто так не называл.

Обычно были "женщина", "учительница", "Татьяна Ивановна", а иногда и вовсе — "бабушка, вы последняя в очереди?"

Я улыбнулась своим мыслям.

Жизнь определённо решила сегодня компенсировать мне все годы борьбы с весами.

Впрочем, эйфория длилась недолго.

Я подошла к школьному крыльцу.

Возле входа, как памятник верности профессии, сидел наш охранник Петрович.

За пятнадцать лет работы он знал в лицо не только всех учителей и учеников, но, кажется, ещё и выпускников последних десяти лет.

Я бодро поднялась по ступенькам.

— Доброе утро, Петрович!

Он поднял глаза. Кивнул. И тут же вытянул руку.

— Девушка, пропуск.

Я засмеялась.

— Петрович, это я.

— Кто — я?

— Таня.

Он нахмурился.

— Какая Таня?

— Татьяна Ивановна.

— Какая ещё Татьяна Ивановна?

— Учитель начальных классов.

Он внимательно посмотрел на меня поверх очков.

Потом перевёл взгляд на журнал посетителей. Потом снова на меня.

— Девушка, не отвлекайте меня от работы.

— Петрович...

— Да?

— Я здесь работаю уже двадцать восемь лет.

— Поздравляю.

— Вы мне каждый день говорите: «Доброе утро, Татьяна Ивановна».

— Говорю.

— Так вот она я.

Петрович тяжело вздохнул.

— Молодёжь пошла...

— Какая молодёжь?

— Розыгрыши какие-то с утра устраивают.

Я почувствовала, что начинаю терять терпение.

— Петрович, кто приносил вам домашние пирожки с капустой на прошлой неделе?

Он замер.

— Татьяна Ивановна...

— Кто всегда ругает вас за то, что вы опять забыли надеть очки?

Он подозрительно сощурился.

— Татьяна Ивановна...

— Кто знает, что у вашей кошки Мурки вчера родились трое котят?

Он медленно снял очки. Потом снова надел. Потом опять снял.

— Господи...

Я победно улыбнулась.

— Теперь узнали?

Петрович медленно поднялся со стула и обошёл меня кругом.

— Не может быть...

— Может.

— Нет...

— Может.

— Таня?!

— Ну наконец-то!

Он хлопнул себя ладонью по лбу.

— Вот это я понимаю — отпуск пошёл человеку на пользу!

— Это не отпуск.

— Тогда санаторий.

— И не санаторий.

— Значит, пластическая операция.

— Нет.

— Тогда...

Он вдруг понизил голос до шёпота:

— Ведьма?

Я расхохоталась так громко, что из гардероба выглянула уборщица Марья Степановна.

— Что случилось, Петрович?

Он молча показал на меня. Марья Степановна посмотрела. Потом ещё раз. И всплеснула руками.

— Батюшки мои!

Она подошла почти вплотную.

— Танечка?!

— Доброе утро.

— Да какое там доброе! Что с тобой произошло?

— Похудела.

— За лето?

Я на секунду задумалась.

— Можно сказать, за... очень короткое лето.

Марья Степановна покачала головой.

— Нет, девочка. Тут без волшебства не обошлось.

Я нервно улыбнулась.

За сегодняшнее утро это был уже второй человек, произнёсший слово "волшебство".

«Неужели это так заметно?» — мелькнуло у меня в голо-

ве.

Петрович наконец пришёл в себя.

— Ладно... проходите... Татьяна Ивановна.

Потом хитро посмотрел на меня и добавил:

— Только одна просьба.

— Какая?

— Предупреждайте заранее.

— О чём?

— Если ещё раз так кардинально изменитесь. А то у меня сердце... уже не мальчик.

Я улыбнулась.

— Договорились.

Но стоило мне сделать несколько шагов по школьному коридору, как я поняла: Петрович был только началом.

Я остановилась перед дверью учительской. Из-за неё доносился привычный утренний гул. Кто-то жаловался на жару.

Кто-то искал журнал. Кто-то уже успел поругаться с принтером. Всё как всегда. Я положила руку на дверную ручку и вдруг почувствовала лёгкое волнение.

«Интересно, — подумала я, — сколько человек сегодня меня не узнает?»

Открыла дверь. В учительской сразу стало тихо. Настолько тихо, что было слышно, как за окном чирикают воробьи. Двадцать пар глаз одновременно повернулись ко мне. Я приветливо улыбнулась.

— Доброе утро, коллеги!

Ответом была тишина.

Потом математик Николай Петрович, не поднимая головы от журнала, спросил:

— Девушка, вы к кому?

Я едва удержалась от смеха.

— К вам.

Он поднял глаза.

— Простите?

— Я здесь работаю.

— Учителем?

— Представьте себе.

Историк Ольга Сергеевна сняла очки и внимательно посмотрела на меня.

— Вы новенькая?

— Нет.

— Тогда, может быть, из отдела образования?

— Нет.

— Комиссия?

— Тоже нет.

Все начали переглядываться.

Я не выдержала.

— Коллеги, да это же я!

В дальнем углу кто-то ахнул.

— Таня?!

Это была моя лучшая подруга Ирина.

Она вскочила со стула так резко, что едва не опрокинула кружку с кофе.

— Таня?!

— Наконец-то хоть кто-то меня узнал!

Ирина подошла ко мне почти бегом. Обошла вокруг. Потрогала мою руку. Потом неожиданно ущипнула меня за бок.

— Ай!

— Извини. Проверяю.

— Что?

— Настоящая ты или голограмма.

В учительской раздался смех. Теперь коллеги уже окружили меня плотным кольцом.

— Таня, это правда ты?

— Что случилось?

— Как ты это сделала?

— Где была?

— Чем питалась?

— Кто тебе врача посоветовал?

Вопросы посыпались один за другим. Я едва успевала отвечать.

— Да ничем особенным...

— Не верим!

— Спорт?

— Нет.

— Диета?

— Нет.

— Таблетки?

— Нет.

— Тогда что?

Я на секунду замялась.

«Если сказать правду, меня сразу отправят к школьному психологу», — подумала я.

— Просто... решила изменить образ жизни.

Наступила тишина.

Потом физичка Светлана Викторовна громко фыркнула.

— Таня, мы тебя слишком давно знаем.

Все дружно закивали.

— Ты всю жизнь говорила, что спорт — это прекрасное зрелище, особенно если смотреть его по телевизору.

Учитель музыки засмеялся.

— А ещё ты говорила, что после шести вечера есть нельзя... если только не очень хочется.

— Было такое, — призналась я.

— И вдруг — «изменила образ жизни»?

В учительской дружно рассмеялись. Ирина всё это время молчала. Она внимательно смотрела мне в лицо.

Так внимательно, что мне стало не по себе.

Наконец она тихо спросила:

— Таня...

— Что?

— Ты счастлива?

Вопрос оказался таким неожиданным, что я растерялась.

— Конечно...

— Нет.

Она покачала головой.

— Я не про фигуру.

— А про что?

— Про глаза.

Все разговоры вокруг словно исчезли. Я смотрела на Ирину и вдруг поняла, что она единственная не спрашивает, **как** я похудела.

Её интересовало совсем другое.

— Не знаю... — честно ответила я.

Она улыбнулась.

— Вот именно.

Потом громко хлопнула в ладоши.

— Так, девочки! Хватит её мучить! Дайте человеку хотя бы чай попить!

— Сначала пусть расскажет секрет! — возмутилась Ольга Сергеевна.

— Да! Мы тоже хотим минус двадцать килограммов!

— Хотя бы десять!

— Хотя бы пять!

Я улыбнулась.

— Если узнаю, как это повторить безопасно, обязательно расскажу.

Коллеги засмеялись, но Ирина не смеялась. Она всё ещё смотрела на меня с какой-то странной тревогой.

И тогда я впервые подумала:

«А ведь действительно... почему я совсем не чувствую радости?»

Да, я стала стройной. Да, все восхищаются. Да, платье сидит идеально. Но где-то глубоко внутри поселилось странное ощущение... Будто вместе с двадцатью килограммами исчезло что-то ещё. Что-то очень важное.

Я ещё не знала, что это было.

Но скоро мне предстояло это понять. Ведь впереди был первый урок. И самые честные критики на свете — мои второклассники. Дети, которые замечают то, чего не видят взрослые. Именно они первыми скажут мне правду, к которой я окажусь совсем не готова.

До звонка оставалось пять минут.

Я взяла журнал, глубоко вдохнула и направилась к своему кабинету.

«Спокойно, Таня, — уговаривала я себя. — Дети есть дети. Они тебя любят. Какая разница, сколько ты вешишь?»

Как же я ошибалась...

Едва я открыла дверь класса, как двадцать четыре пары глаз уставились на меня.

Наступила тишина.

Та самая, которую учителя слышат крайне редко и потому сразу начинают подозревать неладное.

Обычно в это время кто-нибудь уже бегал между партами, кто-нибудь спорил из-за линейки, а двое непременно пыта-

лись выяснить, чья ручка лучше пишет.

Сегодня же дети сидели молча.

Я улыбнулась.

— Доброе утро, ребята!

Ответа не последовало.

Наконец с первой парты осторожно поднял руку Вовка.

— Да, Вова?

— А... Татьяна Ивановна скоро придёт?

Я не выдержала и засмеялась.

— Уже пришла.

В классе кто-то тихонько ахнул.

— Не-е-ет... — протянул Вовка.

— Да.

— Не может быть.

— Почему же?

С последней парты вскочила Маша.

— А паспорт покажите!

Весь класс дружно расхохотался.

— Машенька, паспорт учителя в школу носить не обязательно.

— Тогда дневник!

— Какой дневник?

— Учительский!

— И это не доказательство, — вмешался Артём. — Его подделать можно.

Я облокотилась на учительский стол.

— Так... И что же мне сделать, чтобы вы мне поверили?
Руки поднялись сразу у половины класса.

— Спросить что-нибудь, что знает только наша Татьяна Ивановна!

— Правильно! — поддержали остальные.

Я улыбнулась.

— Хорошо. Кто в прошлом месяце приклеил жвачку под третью парту?

В классе воцарилась мёртвая тишина.

Потом медленно покраснел Егор.

— Это... случайно получилось...

— А кто съел мел, потому что поспорил, что он сладкий?

Дружный смех.

— Дима! — закричали дети.

Дима спрятал лицо в ладонях.

— Он несладкий, — буркнул он.

— Я знаю.

— Откуда?

— Потому что именно я потом заставила тебя выпить три стакана воды.

Теперь уже никто не сомневался.

— Это правда Татьяна Ивановна!

Дети сорвались с мест и окружили меня.

— А почему вы стали такой худенькой?

— Вы заболели?

— Вы теперь всегда такой будете?

— Вам идёт!

— Нет, раньше тоже было красиво!

— Нет, сейчас красивее!

— А мне раньше больше нравилось!

Я подняла руки.

— Стоп! По одному.

Маленькая Алинка подошла ближе всех.

Она долго смотрела на меня своими серьёзными глазами.

Потом тихо спросила:

— Татьяна Ивановна...

— Да, солнышко?

— А вы не исчезнете?

Улыбка сама собой сошла с моего лица.

— Почему ты так решила?

— Потому что вы стали какая-то... другая.

Я присела рядом с ней.

— Разве?

Она кивнула.

— Снаружи вы красивая.

— А внутри?

Алинка пожала плечами.

— Не знаю... Просто раньше вы были... мягкая.

Я невольно рассмеялась.

— Конечно мягкая. Во мне было на двадцать килограммов больше.

Но девочка покачала головой.

— Я не про это.

Она коснулась моей руки.

— Раньше, когда вы обнимали, было так тепло... как у мамы.

А сейчас...

Она замолчала.

— Что сейчас?

— Пока не знаю.

В классе снова стало тихо.

Я вдруг почувствовала неприятный холодок.

Неужели ребёнок действительно почувствовал то, чего не замечали взрослые?

Я быстро перевела разговор на урок.

— Ну что, мои сыщики, математику сегодня никто не отменял.

— Эх... — разочарованно протянул Вовка. — А мы думали, если учительница похудела, то и контрольная станет легче.

— Нет, Вова.

— Жалко...

Весь класс снова рассмеялся.

И урок пошёл своим чередом.

Но слова Алинки не выходили у меня из головы.

«Раньше вы были мягкая...»

Всю перемену я убеждала себя, что ребёнок просто неудачно выразился.

И всё же где-то глубоко внутри поселилось странное беспокойство.

Неужели вместе с лишними килограммами исчезло что-то, что невозможно увидеть в зеркале?

После уроков меня ещё долго не отпускали коллеги.

Кто-то просил телефон моего «диетолога», которого, разумеется, не существовало. Кто-то интересовался, сколько времени я бегала по утрам. Кто-то внимательно разглядывал меня и вздыхал:

— Эх, Таня, вот бы и мне так...

Я только улыбалась.

Если бы они знали, что весь мой «секрет» помещается в маленьком цветке с шестью оставшимися лепестками...

Домой я возвращалась окрылённая. Настроение было прекрасным. Прохожие улыбались. Молодой парень придержал передо мной дверь магазина. Продавщица назвала меня девушкой. Даже зеркало в лифте словно говорило:

«Ну вот, теперь ты довольна?»

Я была довольна.

Очень.

До тех пор, пока не пришла домой.

— Танюш, ты уже? — выглянул из кухни Серёжа.

— Уже.

Он внимательно посмотрел на меня и улыбнулся.

— Знаешь... за сегодняшний день я почти привык.

— Почти?

— Почти. Иногда всё ещё кажется, что ко мне в гости приходит очень красивая незнакомка.

— Привыкнешь.

— Конечно. К такой жене грех не привыкнуть.

Я рассмеялась.

На душе стало тепло.

Вечером мы смотрели телевизор.

Я по привычке плюхнулась в своё любимое кресло.

И тут же вскрикнула.

— Ай!

— Что случилось? — обернулся Серёжа.

Я поёрзала. Снова. Ещё раз. Нет. Было неудобно. Очень неудобно. Я встала. Осмотрела кресло. Потрогала сиденье.

— Странно...

— Что?

— Оно какое-то жёсткое.

Серёжа удивлённо посмотрел на меня.

— Таня... Это кресло. Оно не изменилось.

Я снова села.

Через несколько секунд опять вскочила.

— Нет, изменилось!

Он засмеялся.

— Не кресло изменилось.

— А что?

Серёжа хитро улыбнулся.

— Амортизация исчезла.

Я непонимающе посмотрела на него.

Он развёл руками.

— Раньше между креслом и тобой было двадцать килограммов мягкости.

Я машинально положила ладонь на бедро. Потом ещё раз села. И только теперь поняла. Он был прав.

Я всегда считала свои лишние килограммы врагами.

А оказалось, некоторые из них много лет честно выполняли обязанности подушки безопасности.

— Великолечно... — пробормотала я. — Всю жизнь мечтала похудеть настолько, чтобы собственное кресло объявило мне бойкот.

Серёжа смеялся так, что едва не уронил чашку с чаем.

Пришлось подложить под себя диванную подушку.

Стало гораздо удобнее.

— Вот теперь другое дело, — удовлетворённо сказала я.

— Видишь, — улыбнулся муж. — Всё в жизни относительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.